

**МОНАСТЫРСКИЙ
ЮРИЙ ЭДУАРДОВИЧ**

основатель
Коллегии адвокатов
«Монастырский, Зюба,
Степанов & Партнеры»,
соучредитель
Фонда благодарных
выпускников
международно-
правового факультета
МГИМО, кандидат
юридических наук

О ЗНАЧЕНИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ УБЫТКОВ

В работе анализируются взгляды, высказанные в советской литературе по вопросу об убытках, а также подходы советского законодателя, в целом придерживавшегося цивилистической основы, которая была первоначально закреплена в Гражданском кодексе 1922 г., к регулированию их возмещения. Юридические доктрины, нить преемственности которых прослеживается с XIX в., в том числе в работах ряда выдающихся отечественных правоведов, не могли не испытать на себе влияния социалистического строя и экономической формации. Как следствие, крупные исследования, посвященные непосредственно убыткам, появлялись редко, зато выходило множество трудов об ответственности, полных интересных идей и, на взгляд автора, обнимающих данное средство правовой защиты. Работы советского времени сохранили свою актуальность и дали импульс дальнейшему развитию гражданско-правовой теории. В настоящей статье делается вывод о том, что при действующем в СССР правовом регулировании, полностью лишавшем субъектов имущественной самостоятельности, отсутствовала почва для подробного исследования правовых предпосылок присуждения убытков.

Ключевые слова: гражданское право, советская теория, ответственность, убытки

В советское время реализовался курс на свертывание товарно-денежных отношений в соответствии с лозунгом данной эпохи. Людей ориентировали не на денежный стимул, а на исполнение моральной обязанности. Поощрения и санкции использовались для мотивации к работе и созиданию, а не для извлечения прибыли. Кроме того, в 70-летнем периоде советской нерыночной экономики значительные отрезки времени приходились на военную конфронтацию разных

YURI E. MONASTYRSKY

Founding Partner at
Monastyrsky, Zyuba,
Stepanov & Partners,
Co-founder of the Fund
of Grateful Alumni of
the MGIMO School of
International Law, PhD in
Law

SOVIET THEORY AND CONTEMPORARY THEORY OF DAMAGES IN CIVIL LAW

This work recounts legal views on the compensation of losses in the Soviet Union. The legislative approaches were initially embodied in the 1922 Civil Code. A few outstanding scholars showed a trace of succession between the 19th century period of monarchy and the Soviet Époque. Theory could not choose but react to the socialist system and its economics. As a result, the major works on the subject of liability embracing the principal issues of recovery of damages appeared with a rare frequency. The doctrines of the Soviet times remain popular as they gave an impulse to further development of the legal theory. The author comes to the conclusion that since legal regulation of that time did not support the concept of the full commercial independence of participants, there was no ground for scrupulous research on recovery of losses in the USSR.

Keywords: soviet theory, civil law, liability, damages

слоев общества, когда законы хозяйствования не работали в силу политических причин. Но, несмотря на весьма умеренный запрос на цивилистические изыскания в СССР, в это время довольно стабильно появлялись глубоко проработанные доктринальные исследования, в которых много и толково говорилось и об убытках, и об ответственности. Как известно из мемуаров мэтров юриспруденции, советские авторы

при действовавшей тогда идеологии исполняли свою работу увлеченно и добросовестно.

В 1920-е гг. вело научную деятельность и преподавало целое созвездие выдающихся ученых, работавших во времена становления и развития российской юридической доктрины, усилиями которых формировалась и укреплялась база цивилистических знаний.

На излете той эпохи было подготовлено к принятию Гражданское уложение Российской империи — проект новейшего кодифицированного акта, вобравшего в себя передовые идеи науки права. Уникальные кадры сосредоточивались в нескольких институтах и учебных заведениях, но сама обстановка соревновательности и обмена идеями, бурные дискуссии и общее стремление к доктринальной строгости и совершенствованию во многом способствовали творчеству и научному поиску, для которого иногда недоставало материала.

Активная внешняя торговля, необходимость разрешения коммерческих конфликтов в данной сфере, создание для этого международных третейских судов по обычным коммерческим и морским делам в 1932 г. привнесли в науку гражданского права важное компаративистское начало, а также опыт разбирательства реальных дел и некоторые знания. Особенно стоит выделить таких советских цивилистов, как Я.М. Магазинер, И.Б. Новицкий, Д.М. Генкин, С.И. Аскназий, С.Н. Братусь, А.В. Венедиктов, М.М. Агарков, Е.А. Флейшиц, В.В. Лунц, А.С. Добров, В.И. Серебровский, Б.Б. Черепяхин, Х.И. Шварц и В.К. Райхер. Их учениками были О.С. Иоффе, Е.А. Суханов, А.Л. Маковский, С.Н. Лебедев, О.Н. Садилов, В.С. Поздняков, В.А. Дозорцев, Ю.К. Толстой и многие другие¹.

Если говорить об этапах развития учения об убытках, то нужно отметить два из них. До 1930-х гг. главенствовал так называемый принцип причинения, отражавший влияние промышленной революции в мире и гласивший: при ущербе, особенно в хозяйственной области, нарушитель должен вне зависимости от того, виновен он или нет, заглаживать любой урон там, где имели место изъян и риск его деятельности². Затем было принято во внимание, что не всякая активность связана с механизмами и есть сферы, где несение ответственности невиновными лишит их внутренних стимулов осмысливать свои поступки и улучшать их, снизит роль общественного порицания, а также сведет на нет старания того или иного человека быть приемлемым членом сообщества благодаря собранности и идейному целеполаганию. Наступила эра

вины как единственного основания ответственности и в уголовном, и в гражданском праве.

Согласно советской доктрине убытки в основном представляли собой денежный эквивалент ответственности³ и взыскивались в результате противоправного поведения⁴. Как справедливо отмечали более поздние комментаторы, это создавало некую единую матрицу рассуждений об условиях их присуждения, чтобы воздать по заслугам нарушителю, не тронуть невиновного и, конечно, не дать обогатиться потерпевшему⁵. Преобладала идея о том, что если есть противоправность, то нужно отвечать⁶. Смысл ответственности всегда в воздаянии должнику за нанесенные им потери, но не более того и лишь при определенных условиях. При этом упускалось одно важное обстоятельство. Убытки в огромном количестве случаев взыскиваются безо всякой противоправности и не как санкция, а в виде несения последствий хозяйственного риска. Возникла, расширилась и поныне остается массовой практика, когда существующие убытки возлагаются на сторону договором, но она не привлекается к ответственности ввиду отсутствия противоправности либо причинной связи. При рассмотрении требования об убытках фактически не принимается во внимание фактор вины, нивелируется ее степень или градация, которые должны быть мерилом санкций.

Став предусловием санкций, вина в государстве обобщественного труда трактовалась оригинально, но вполне в духе правовой идеологии. Наиболее авторитетный и виртуозный автор О.С. Иоффе давал ей такое определение: «Под виной понимают психическое отношение лица к совершаемому им

¹ См.: Гонгалло Б.М. Советская цивилистика и сегодняшний день // *Хозяйство и право*. 2017. № 10. С. 114–128.

² См.: Агарков М.М. К вопросу о договорной ответственности // *Вопросы советского гражданского права*. М.; Л., 1945. Сб. 1. С. 119–120.

³ См., напр.: Советское гражданское право: учеб. в 2 т. Т. 1 / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1985. С. 505–506; *Собчак А.А.* Экономико-правовые аспекты имущественной ответственности // *Советское государство и право*. 1972. № 2. С. 80–84.

⁴ См., напр.: Агарков М.М. К вопросу о договорной ответственности. С. 114–155; *Он же.* Вина потерпевшего в обязательствах из причинения вреда (обзор практики Верховного суда СССР) // *Советское государство и право*. 1940. № 3. С. 73; *Рахмилович В.А.* О противоправности как основании гражданско-правовой ответственности // *Советское государство и право*. 1964. № 3. С. 53–62.

⁵ См.: *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Книга первая: Общие положения. М., 2011. С. 671–672.

⁶ См.: Агарков М.М. К вопросу о договорной ответственности. С. 122.

противоправному деянию или бездействию, а также наступающим в связи с этим противоправным последствием»⁷. Наиболее примечательно в этом толковании в целом irrelevantное с позиции коммерческого оборота понятие «психическое». При выяснении роли такого критерия вины единственное, что приходит на ум, — это случай внедоговорного причинения вреда умалишенными или недееспособными. У них нет правоустанавливающей воли, однако вне адекватной юридической квалификации такой вывод не следует напрямую из оценки психического состояния. В договорной области вообще и применительно к неисполнению обязательств юридическими лицами в частности (в отношении последних указанный критерий вообще едва ли применим) психическое состояние, которое, кстати, подлежит доказыванию самим ответчиком, значит немного. По независящим от воли внешним причинам организация не имеет достаточных средств для оплаты в срок своих долгов. С точки зрения рассматриваемого критерия руководитель юридического лица несколько не виноват, так как его психическое состояние не может, по сути, при таком выяснении вины влиять на неисполнение.

В советское время ввиду политического строя теоретические изыскания на тему убытков включали в себя подробнейшее обсуждение базовых категорий, компонентов и условий ответственности⁸, в том числе и причинную связь как условие возмещения убытков⁹. Но встает вопрос: какой она должна быть в плане соотношения действия и результата? Одним из многих факторов, порождающих вредоносное следствие, так что ущерб наступил бы и без нее, или же основным и необходимым критерием, и тогда в ее отсутствие по-

тери бы не возникли? Советские авторы писали, что соответствующая связь должна быть прямой, необходимой и действительной, а не случайной, косвенной, возможной¹⁰. Иными словами, была распространена точка зрения, тяготевавшая ко второму варианту¹¹.

Советские правоведы не фокусировались на идее о том, что внедоговорные санкции наступают при более тесной связи с вредом, чем в случае нарушения сделки в предпринимательской области. Вместе с тем это правило было зафиксировано разработчиками проекта Гражданского уложения Российской империи¹². Например, механизм издает сильный звук. Человек из-за этого теряет сознание и получает травмы. Скорее всего, у него не будет возможности взыскать убытки, так как причинная связь шума и вреда не является непосредственной. А вот при неисполнении договорных обязательств соответствующее основание может быть одним из многих и считаться достаточным. Скажем, ремонтная организация при восстановлении канализационных труб действует по определенной технологии. Но дорожная авария уничтожает часть работ до их завершения. Последствия падают на подрядчика, какой бы ни была каузальность действия виновника аварии применительно к результату.

Другим необходимым условием ответственности в советском гражданском праве выступала противоправность¹³. Поскольку критерием реагирования еще в до-революционной цивилистической традиции являлось нарушение субъективного права, то его необходимо

⁷ Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 128.

⁸ См., напр.: Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955; Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. М., 1970; Алексеев С.С. Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки. М., 1959.

⁹ См., напр.: Антимонов Б.С. К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве // Труды научной сессии ВИЮН. М., 1948; Егоров Н.Д. Причинная связь как условие юридической ответственности // Советское государство и право. 1981. № 9; Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950; Самощенко И.С. О причинении вреда противоправным бездействием // Ученые записки ВИЮН. 1963. Вып. 17. С. 29–40, и т.д. См. также: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Научно-практический комментарий / отв. ред. Т.Е. Абова, А.Ю. Кабалкин, В.П. Мозолин. М., 1996. С. 590; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. С. 710.

¹⁰ См., напр.: Гойхбарг А.Г. Хозяйственное право РСФСР. Т. 1: Гражданский кодекс. М., 1924. С. 172; Семенова А.Е. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда // Гражданский кодекс РСФСР: научный комментарий / под ред. С.М. Прушицкого, С.И. Раевича. М., 1928. Вып. XX. С. 18.

¹¹ См., напр.: Клейн Н.И. Споры о возмещении убытков, причиненных нарушением договора поставки // Научно-практический комментарий арбитражной практики. М., 1969. Вып. 2. С. 59.

¹² См. ст. 1655 кн. 5 Гражданского уложения (Гражданское уложение: Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Т. 2 / под ред. И.М. Тютрюмова. СПб., 1910. С. 250). См. также: Агарков М.М. К вопросу о договорной ответственности. С. 144 и след.

¹³ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 49; Матвеев Г.К. Указ. соч.; Вилкова Н.Г. Проценты годовые по денежным обязательствам из договора внешнеэкономической купли-продажи: материалы секции права ТПП СССР. Вып. 34. М., 1983. С. 57–59.

учитывать всякий раз, когда лицо не получает или лишается того, на что может претендовать исходя из участия в находящихся в сфере действия правопорядка отношениях. Между невозможностью реализовать право из-за поведения должников и его нарушением можно поставить знак равенства. А вот между последним и противоправностью — вряд ли. Деформация права происходит от случая, наступившего риска, действий третьих лиц, но это не повод винить в сложившейся ситуации должника. Все многообразие аномальных случаев в имущественном обороте можно разделить по основанию вины либо риска. «Противоправность», «незаконность» и «преступность» — понятия уголовного права, которые фиксируют типичные случаи вреда обществу и публичным интересам. Вместе с тем на противоправном поведении советская наука делала акцент, причем и в ходе исполнения договорных обязательств, и при внедоговорном причинении вреда. Противоправность — действие, нарушающее «выраженные в нормах запреты»¹⁴. Под это понятие подпадало возмещение последствий несения определенных коммерческих рисков. Например, считалось, что стихийно возникшая упущенная выгода не создаст требование об убытках, если будет компенсирована добровольно. Противоправно не возмещать, когда следует это делать по условиям обязательства. Но, с нашей точки зрения, нарушение вытекает из упущенных возможностей и неоправданных ожиданий лица, за что другие должны отвечать вследствие не только неправильного поведения, но и случайности. О.С. Иоффе определял противоправность как «нарушение действием или бездействием норм права». Он подчеркивал, что «критерием неправомочности в совершении действий служит закон в сочетании с принципами... морали, правилами... общежития... Если обязательство возникло из договора, неправомочность совершенных действий является на основе договорных условий»¹⁵. Это была распространенная точка зрения в советское время, так как смысл норм задавался правовой политикой, основанной на классовой морали, принципах общежития и социалистическом сознании.

Важное, системообразующее понятие правомочности восходит именно к советскому времени и дает возможность толковать содержание норм права и

договорных положений в духе действующих правовых принципов и политики. Противоправность как основополагающее мерило стали логично относить к содержанию попираемых субъективных прав на базе правильной оценки последних. Советские правоведы оценивали действие или бездействие как правомерное или незаконное поведение — в этом состояла особенность доктрины того периода¹⁶. Всегда можно заявить: «Да, есть вина, есть вред, причинная связь была, но лицо действовало правомерно, в русле идеологии, содействуя реквизиции зерна, нанося побои антисоветчику» и т.д. Примеры утрированные, но значение института правомочности иллюстрируют. Как правильно отмечал В.В. Витрянский, противоправность ориентирует на поиск нарушенной нормы, а это неверный подход, так как в действительности закон не способен ни в одной отрасли охватить все разнообразие жизненных случаев¹⁷. Статьи законов приобретают функциональный характер лишь в толковании, будучи пронизаны идеями и интерпретациями. Норма конкретной быть не может, в отличие от правонарушения и субъективного права. Тем более это справедливо применительно к договорным отношениям.

В советском законодательстве декларировался принцип полного возмещения убытков, закрепленный еще в ст. 117 ГК РСФСР 1922 г.¹⁸ Действовали законы и высказывались точки зрения, которые с учетом плановой экономики, приоритета административных приказов над договором и, следовательно, отсутствия полной имущественной субъектности потерпевших делали нереальным взыскание ожидаемой прибыли: ее невозможно было рассчитать, определить и потом получить. Например, видный теоретик гражданского права А.В. Венедиктов утверждал, что не нужно увлекаться требованиями об убытках. Он писал: «На балансе пострадавшего от неисполнения договора предприятия появилась бы известная сумма накопленных, отражающая не действительные реальные достижения данной отрасли или участка народного

¹⁶ См.: Самощенко И.С. Указ. соч.

¹⁷ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч.

¹⁸ «В случае неисполнения должником обязательства он обязан возместить кредитору причиненные неисполнением убытки. Под убытком понимается как положительный ущерб в имуществе, так и упущенная выгода, возможная при обычных условиях оборота». См. также: ст. 219 ГК РСФСР 1964 г.

¹⁴ Рахмилович В.А. Указ. соч. С. 53.

¹⁵ Иоффе О.С. Обязательственное право. С. 110.

хозяйства, а лишь результат применения договорных санкций при отсутствии действительно накопления в социалистическом хозяйстве»¹⁹. Статья 219 ГК РСФСР 1964 г. не включала в понятие убытков расходы кредитора для восстановления права. В абз. 3 п. 2 Инструктивного указания Госарбитража СССР от 29.03.1962 № И-1-9 «Об улучшении работы органов арбитража по рассмотрению споров, связанных с поставками продукции и товаров ненадлежащего качества» разъяснялось, что размер расходов покупателя по устранению недостатков в продукции и товарах определяется фактическими затратами, если они не превышают плановой калькуляции, а в противном случае — по ней²⁰. А в Инструктивных указаниях от 23.09.1974 № И-1-33 «О разрешении споров, связанных с возмещением убытков, причиненных нарушением обязательств по договору поставки» Госарбитраж СССР определил:

«Под произведенными истцом расходами следует понимать расходы, фактически понесенные им на день предъявления претензии. Расходы, которые он может понести или понесет в будущем, не подлежат взысканию по данному исковому требованию, однако истец не лишен права предъявить иск о взыскании этих убытков в последующем, после того, как он их фактически понесет» (абз. 1 п. 2);

«Расходы, превышающие допускаемые действующими нормативами, взысканию не подлежат» (абз. 2 п. 4);

«Неполученные истцом доходы в виде неполученной плановой прибыли подлежат взысканию независимо от того, что истец выполнил или перевыполнил план по прибылям за соответствующий период за счет перевыполнения плана производства по другим видам продукции.

Плановая прибыль, а также соответствующая часть торговой, оптово-сбытовой скидки, не полученные истцом, не подлежат взысканию полностью или частично в случаях, когда ответчик в последующем исполнит свои обязательства в натуре... и истец от реа-

лизации этой продукции получит прибыль, скидку или наценку» (п. 5)²¹.

Для граждан возмещались только трудовые неполученные доходы, а на компенсацию нетрудовых шансов не было.

Даже в 1980-х гг. действовали разные формулы подсчета упущенной выгоды при плохом качестве доставленного груза, товаров и т.д., введенные постановлением Совета Министров СССР. Например, плохое качество капитального строительства давало право на взыскание лишь доли условно постоянных расходов кредитора, т.е. тех потерь, стоимость которых выводилась косвенным путем через пропорцию от затрат на электричество, фонд заработной платы и т.д. Упущенная сверхприбыль, основанная на не произведенных помимо плана объемах, не компенсировалась, так как экономике могла быть не нужна превосходящая нормативы продукция. Если действие подрядчика (поставщика) провоцировало у заказчика (покупателя) простой, Госарбитражу СССР нужно было доказать, что эта причина единственная и что задержка привела к уменьшению объемов только товарной, т.е. конечной, продукции. Например, ремонт или простой проходческого комбайна почти никогда не приводил к убыткам: для того чтобы шахта выдавала требуемый вес угля, он не должен был работать непрерывно или одну смену в сутки, его производительность и характеристики позволяли делать заделы и запасы после срезания пластов. Если в результате нарушения так называемой договорной дисциплины падало качество продукции, убытки увеличивались на объем условно постоянных затрат. Когда недостатки устранялись своими силами, учитывались условно переменные расходы²².

На практику рассмотрения требований об убытках и в советское время, и даже, будто по инерции, вплоть до 2015 г. губительно действовало выдвигаемое судами условие о том, что размер убытков должен доказываться с исчерпывающей точностью. Так, по словам О.С. Иоффе, «когда же убытки причиняются органи-

¹⁹ Венедиктов А.В. Договорная дисциплина в промышленности. Л., 1935. С. 113–114.

²⁰ Систематизированный сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР. М., 1983. С. 116.

²¹ Там же. С. 84. См. также: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. С. 645.

²² О понятиях условно постоянных и переменных затрат см., напр.: Мамутов В.К., Овсиенко В.В., Юдин В.Я. Предприятие и материальная ответственность. Киев, 1971. С. 129–130.

зации, доказывание их размера зависит от того, как у нее поставлены учет и контроль»²³. В результате иски об убытках составляли ничтожный процент дел, и юридическая наука не получала жизненно важной обратной связи. Без доказывания точного размера утрат в требовании отказывали полностью. Этот принцип действовал универсально — как в бытовых делах, так и в случаях нарушения договорно-расчетной дисциплины между предприятиями. Прежде всего сама система планового хозяйства лишала экономической основы разделение убытков на положительный ущерб и неполученную прибыль в отношениях между организациями. В социалистической системе предприятие никак не могло иметь такой показатель, как упущенная выгода, хотя бы потому, что доход организации был не рыночной, а учетной единицей. Основной задачей хозяйствующих субъектов было вписаться в план за отчетный период времени. Неисполнение контрагентом своей обязанности, скажем, по поставке качественного сырья могло привести к трем следствиям: во-первых, к неполучению совокупного планового дохода, во-вторых, к утрате или уменьшению сверхприбыли и, наконец, в-третьих, к прямому ущербу имуще-

ству, его уменьшению, обесценению и т.д. Но в какой мере конкретное нарушение приводило к потерям, было трудно судить. Поэтому при неисполнении без ущерба для совокупных результатов народного хозяйства ничего не присуждалось. Если нарушение влияло на величину планового дохода, то взыскивалась разница. Если оно уменьшало сверхприбыль, могло ничего не присуждаться. Такая практика, конечно же, не способствовала развитию теории убытков.

Из ГК РСФСР 1964 г. была изъята категория «упущенная выгода» и заменена термином общего содержания «неполученный доход»²⁴. Если говорить о сфере экономики и промышленности и о том, как она регулировалась, то важно отметить, что отсутствовали общие начала и единообразие в деле рассмотрения требования об убытках. Более того, на одни и те же вопросы правовая доктрина давала разные ответы, и десятилетиями не утихал спор между школами гражданского и хозяйственного права²⁵. Процедура рассмотрения имущественных конфликтов между предприятиями была не состязательной, судебной, а административной. Правоприменительные органы сверху корректировали исполнение договора, меняли условия в текущем режиме, так что невозможно было не только подсчитать убытки, но и — главное — определить виноватого в неисполнении. Между предприятиями, руководимыми из единого центра, существовала теснейшая кооперация, требовавшая ручного управления. Неисполнение в срок или изготовление и поставка продукции ненадлежащего качества в отношениях между подчиненными звеньями в ряде случаев обуславливались нерасторопностью и нераспорядительностью смежников. Предприятия, лишенные

²³ *Иоффе О.С.* Обязательственное право. С. 105; *Он же.* Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 254 («Правильно поставленный учет обеспечивает доказывание размера убытков, обусловленных не только простоем, но и любыми иными обстоятельствами. Именно поэтому убытки должны возмещаться не в приближенных, а *доказанных* (здесь и далее в цитатах курсив наш. — Ю.М.) размерах, что будет служить дополнительным стимулом к правильной постановке учета»). Существовала и противоположная позиция (см., напр.: *Венедиктов А.В.* Указ. соч. С. 96 («метод приближенных оценок»); *Масевич М.Г.* Гражданско-правовая ответственность предприятий и ее эффективность // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 86 (предварительное взыскание примерной суммы вероятных убытков)). В известном смысле промежуточное мнение высказывалось, в частности, В.К. Мамутовым, В.В. Овсиенко и В.Я. Юдиным: «Нельзя полностью согласиться... с О.С. Иоффе. Конечно же, бессмысленно спорить против тезиса о том, что убытки должны быть доказаны на основе точных данных учета. Но не следует ставить знак тождества между «точными данными учета» и абсолютно точной цифрой причиненных убытков. Прежде всего *абсолютно точная цифра не так уж и нужна, если доказывание ее требует слишком больших затрат труда и времени...* Погоня за точной цифрой может привести к тому, что игра не будет стоить свеч — доказывание этой цифры потребует таких затрат труда и времени, что предприятие вообще не сможет ничего взыскать. *В условиях, когда вообще не взыскиваются убытки, лучше поставить реальную задачу взыскания основной части убытков, чем в погоне за точностью „утопить“ взыскание убытков вообще»* (*Мамутов В.К., Овсиенко В.В., Юдин В.Я.* Указ. соч. С. 121).

²⁴ «Под убытками разумеются расходы, произведенные кредитором, утрата или повреждение его имущества, а также *не полученные* кредитором доходы, которые он получил бы, если бы обязательство было исполнено должником» (ч. 2 ст. 219). Ранее аналогичная замена была произведена в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. (ч. 1 ст. 36).

²⁵ Среди наиболее известных работ см., напр.: *Иоффе О.С.* Правовое регулирование хозяйственной деятельности в СССР. Л., 1959; *Мамутов В.К.* Совершенствование правового регулирования хозяйственной деятельности (методология, направления). Киев, 1982. Эта дискуссия продолжается и по сей день (см., напр.: *Мамутов В.* Понятийно-правовая эквилибристика не может заменить предметного исследования // *Хозяйство и право.* 2001. № 8. С. 17–19; *Суханов Е., Маковский А.* Еще раз о хозяйственном праве, текущем моменте и об ошибках т. Мамутова // Там же. С. 20–26).

возможности выполнить работы из-за сбоев в поставках, к ответственности не привлекались. В основном они разбирались между собой не по результатам осуществления независимых хозяйственных операций, а после внесения административных корректировок и дополнений. Причем за последними в советской теории был признан приоритет. Такая система не способствовала добросовестности, предусмотрительности и рачительности в отношении производственных дел.

Так как по советским канонам любое правонарушение, в том числе и в имущественной сфере, было общественно опасным, то главным средством воздействия на причинителей вреда выступали вовсе не убытки, а штрафы, и не только административные, но также гражданско-правовые. Они выполняли не столько восстановительную, сколько воспитательную (карательную) функцию. Зачастую в качестве цели возмещения убытков указывались стимулирование производственной дисциплины и следование принципу экономической ответственности предприятия за результаты своей производственной и хозяйственной деятельности. Тяжесть правонарушения измерялась не столько вредом, сколько общественно-политическими последствиями имущественного характера для народного хозяйства.

Как отметил В.В. Овсиенко в своей докторской диссертации 1971 г., отрицательные экономические последствия, которые несет все народное хозяйство от нарушения договорно-хозяйственной дисциплины, не идентичны ущербу, причиненному контрагенту²⁶. Далее автор привел следующий пример: получение агломерата с пониженным содержанием железа позволило делать скидки с преysкурантных цен, однако народное хозяйство понесло значительный ущерб в связи со снижением производительности доменных печей.

В то же время штрафные санкции, налагаемые смежником на контрагента, — это явно его убытки, но государство здесь ничего не претерпевает, следовательно, политико-экономический ущерб в данном случае равен нулю. Для предприятий — звеньев плановой системы деление убытков на положительный ущерб и упущенную выгоду не имело практического значе-

ния. Ведь их прибыль была не чем иным, как разницей между отпускной ценой продукции и затратами на ее изготовление. Почти все произведенные предприятиями расходы относились к себестоимости. Любые дополнительные затраты, увеличивавшие ее, тем самым снижали сумму прибыли. Но когда спорщики в делах, разрешавшихся органами государственного арбитража, требовали часть дохода из-за того, что их контрагент поставил материал не того сорта, или в меньшем количестве, или с задержкой, вызвав протести, им отказывали в присуждении убытков. При этом правоприменитель ссылался на то, что годовые показатели прибыли заявителя не пострадали, план выполнен, балансовая прибыль получена и нет оснований говорить, что имеет место отразившийся на результатах хозяйствования ущерб.

Экономика и промышленность в советское время работали таким образом, что подсчет убытков на рыночных основаниях был попросту невозможен. Упущенную возможность получить сверхплановую прибыль органы арбитража по инструкциям в расчет не брали, так как это означало поощрение выпуска продукции, которая может просто не найти сбыта. Определяющим и постоянным фактором дезориентации в вопросе дохода были регулируемая цена и устанавливаемые тарифы, хотя и основанные на подсчетах затрат труда и материалов, но на деле их не отражавшие. Первичной целью предприятий было выполнение планов. В этой системе такое нарушение, как просрочка, не рассматривалось всерьез, если только оно не вело к срывам и не сказывалось на итоговом количестве и качестве продукции.

Правоведы не могли установить, что в точности должен означать неполученный доход, если прибыль от одной операции была трудноопределима почти всегда²⁷. Другое дело — ущерб, выражаемый в незапланированных тратах денежных средств, лишние закупках материалов, увеличенных зарплатных выплатах за сверхурочную работу. Здесь потери определялись точнее, проще и достовернее.

Еще одна существенная особенность споров о возмещении утраченного или неполученного при социализ-

²⁶ Овсиенко В.В. Проблемы возмещения убытков в хозяйственном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1972.

²⁷ См., напр.: Лесник М.Я., Брагинский М.И. О возмещении убытков, причиненных нарушением договора поставки // Советское государство и право. 1967. № 5. С. 90–97.

ме заключалась в том, что к поведению должника и кредитора практически не применялся объективный критерий («должен будет понести», «не мог предотвратить», «должен был предвидеть» и т.д.), являющийся основным в современном регулировании. Добавим еще один штрих: в советское время деньги не играли роли показателя успеха и доходности от деятельности, не всегда ими можно было оценить и убытки. Предприятия в СССР работали вне классического цикла «деньги — товар — деньги». Главная цель состояла не в реализационной операции, завершившейся получением средств на свои счета, а в выпуске продукции, по количеству и номенклатуре соответствовавшей плану. В правовой литературе использовались такие экономические категории, как «условно постоянные затраты», «средняя величина себестоимости», а также «дополнительные затраты», которые могли бы быть как очень большими, так и ничтожно малыми.

Не только подсчет, но и условия присуждения убытков не были единообразными. Некоторые советские ученые утверждали, что субъективный подход к определению бремени убытков, связанный с исследованием каждого случая в отдельности, контрпродуктивен, является буржуазным методом и порождает широкое усмотрение органов, решающих споры. С одной стороны, ответственность подразумевала критерий вины. С другой — небрежностью называлось то, что является субъективным осознанием своего поведения, причем даже *post factum*. Помимо этого, под понятие ответственности подпадали только санкции, по сути, наказания. Теория сама подводила правоприменительные органы к радикальному субъективизму, поскольку персональный сбой сразу же оценивался и связывался с психикой. Насколько мы поняли, традиционная цивилистика из этого исходить не должна. Наверное, ее главная цель не отыскание источника потерь, а сохранность имущества, отношений и справедливого распределения рисков, притом что явный причинитель вреда, проявивший незаботливость, т.е. вину, должен всегда нести последствия. Мы полагаем, что вина — и в самом деле универсальный регулятор возложения имущественных последствий, но не как предусловие, а как мерило санкций — последствий ответственности. И это существенная разница.

В завершение хотелось бы отметить, что именно благодаря добросовестности советских ученых и их преданности науке стала возможна крупная кодификация

гражданского законодательства и частного права, а также появление регулирования коммерческой среды в нашей стране.

References

Abova, T.E., Kabalkin, A.Yu. and Mozolin, V.P. (eds.). The Russian Federation Civil Code. Part One: An Annotated Commentary [*Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast' pervaya: Nauchno-prakticheskiy komentariy*]. Moscow, 1996. 714 p.

Agarkov, M.M. “Revisiting Contractual Liability” [*K voprosu o dogovornoy otvetstvennosti*]. Legal Topics in Soviet Civil Law [*Voprosy sovetskogo grazhdanskogo prava*]. Moscow, Leningrad, 1945. Iss. 1. P. 114–155.

Agarkov, M.M. “Contributory Negligence (The USSR Supreme Court Case Law Review)” [*Vina poterpevshego v obyazatel'stvakh iz prichineniya vreda (obzor praktiki Verkhovnogo suda SSSR)*]. Soviet State and Law [*Sovetskoe gosudarstvo i pravo*]. 1940. No. 3. P. 70–79.

Alekseev, S.S. Liability under Civil Law for Failure to Deliver Scheduled Railway Service [*Grazhdanskaya otvetstvennost' za nevypolnenie plana zheleznodorozhnoy perevozk*]. Moscow, 1959. 176 p.

Antimonov, B.S. “Causality in Civil Law” [*K voprosu o ponyatii i znachenii prichinnoy svyazi v grazhdanskom prave*]. Research Session Papers by The All-Union Research Institute of Law [*Trudy nauchnoy sessii VIYuN*]. 1948. P. 62–79.

Braginskiy, M.I. and Vitryanskiy, V.V. Contract Law. Book One: General Provisions [*Dogovornoe pravo. Kniga pervaya: Obshchie polozheniya*]. Moscow, 2011. 847 p.

Egorov, N.D. “Causality as a Precondition of Legal Liability” [*Prichinnaya svyaz' kak uslovie yuridicheskoy otvetstvennosti*]. Soviet State and Law [*Sovetskoe gosudarstvo i pravo*]. 1981. No. 9. P. 126–131.

Gongalo, B.M. “Soviet Civil Law and Contemporary System” [*Sovetskaya tsivilistika i segodnyashniy den'*]. Business and Law [*Khozyaystvo i pravo*]. 2017. No. 10. P. 114–128.

Goykhbar, A.G. RSFSR Commercial Law. Vol. 1: Civil Code [*Khozyaystvennoe pravo RSFSR. T. 1: Grazhdanskiy kodeks*]. Moscow, 1924. 269 p.

Ioffe, O.S. Law of Obligations [*Obyazatel'stvennoe pravo*]. Moscow, 1975. 880 p.

Ioffe, O.S. Liability under Soviet Civil Law [*Otvetsvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu*]. Leningrad, 1955. 310 p.

Ioffe, O.S. The Regulation of Commercial Activities in the USSR [*Pravovoe regulirovanie khozyaystvennoy deyatel'nosti v SSSR*]. Leningrad, 1959. 48 p.

Klein, N.I. "Damage Claims in Breach of Supply Contracts" [*Spory o vozmeshchenii ubytkov, prichinennykh narusheniem dogovora postavki*], in: An Annotated Commentary on Commercial Case Law [*Nauchno-prakticheskiy kommentariy arbitrazhnoy praktiki*]. Moscow, 1969. Iss. 2. P. 50–82.

Krasavchikov, O.A. (ed.). Soviet Civil Law: a Course Book in 2 vol. Vol. 1 [*Sovetskoe grazhdanskoe pravo: ucheb. v 2 t. T. 1*]. Moscow, 1985. 544 p.

Lesnik, M.Ya. and Braginskiy, M.I. "Recovery of Damages in Breach of Supply Contracts" [*O vozmeshchenii ubytkov, prichinennykh narusheniem dogovora postavki*]. Soviet State an Law [*Sovetskoe gosudarstvo i pravo*]. 1967. No. 5. P. 90–97.

Mamutov, V. "Conceptual Balancing Doesn't Replace Substantive Research" [*Ponyatiyno-pravovaya ekvilibristika ne mozhet zamenit' predmetnogo issledovaniya*]. Business and Law [*Khozyaystvo i pravo*]. 2001. No. 8. P. 17–19.

Mamutov, V.K. Improving Commercial and Corporate Controls (Methodology and Improvement Areas) [*Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya khozyaystvennoy deyatel'nosti (metodologiya, napravleniya)*]. Kiev, 1982. 238 p.

Mamutov, V.K., Ovsienko, V.V. and Yudin, V.Ya. Businesses and Liability in Damages [*Predpriyatie i material'naya otvetstvennost'*]. Kiev, 1971. 190 p.

Masevich, M.G. "Civil Liability of Businesses and Its Efficiency" [*Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' pred-*

priyatiy i ee effektivnost']. Soviet State an Law [*Sovetskoe gosudarstvo i pravo*]. 1965. No. 8. P. 82–86.

Matveev, G.K. Grounds for Civil Liability [*Osnovaniya grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti*]. Moscow, 1970. 312 p.

Novitskiy, I.B. and Lunts, L.A. A General Doctrine of Obligations [*Obshchee uchenie ob obyazatel'stve*]. Moscow, 1950. 416 p.

Ovsienko, V.V. Problematic Aspects of Compensation Claims in Business Law: LLD Thesis [*Problemy vozmeshcheniya ubytkov v khozyaystvennom prave: dis. na soiskanie uchenoy stepeni d-ra yurid. nauk*]. Khar'kov, 1972. 289 p.

Rakhmilovich, V.A. "Wrongfulness as a Civil Liability Ground" [*O protivopravnosti kak osnovanii grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti*]. Soviet State an Law [*Sovetskoe gosudarstvo i pravo*]. 1964. No. 3. P. 53–62.

Samoshchenko I.S. "Harm Resulting from Wrongful Omission" [*O prichinenii vreda protivopravnym bezdeystviem*]. Research Session Papers by The All-Union Research Institute of Law [*Trudy nauchnoy sessii VIYuN*]. 1963. Iss. 17. P. 29–40.

Savenkova, O.V. "Compensation for Losses in Contemporary Civil Law" [*Vozmeshchenie ubytkov v sovremenom grazhdanskom prave*], in: Rozhkova, M.A. (ed.). Losses and Loss Recovery: Collected Papers [*Ubytki i praktika ikh vozmeshcheniya: sb. st.*]. Moscow, 2006. P. 6–67.

Semenova, A.E. "Obligations Arising from Unjust Enrichment and Obligations Arising from Inflicted Harm" [*Obyazatel'stva, vznikayushchie vsledstvie neosnovatel'nogo obogashcheniya, i obyazatel'stva, vznikayushchie iz prichineniya vreda*], in: Prushitskiy, S.M. and Raevich, S.I. (eds.). The RSFSR Civil Code: An Annotated Commentary [*Grazhdanskiy kodeks RSFSR: Nauchnyy kommentariy*]. Moscow, 1928. 58 p.

Sobchak, A.A. "Economic and Legal Aspects of Property Liability" [*Ekonomiko-pravovye aspekty imushchestvennoy otvetstvennosti*]. Soviet State an Law [*Sovetskoe gosudarstvo i pravo*]. 1972. No. 2. P. 80–84.

Sukhanov, E. and Makovskiy, A. “Yet Another Take on Commercial Law, Current Situation and Comrade Mamutov’s Mistakes” [*Eshche raz o khozyaystvennom prave, tekushchem momente i ob oshibkakh t. Mamutova*]. Business and Law [*Khozyaystvo i pravo*]. 2001. No. 8. P. 20–26.

Tyutryumov, I.M. (ed.). *Codex Civiles: Imperial Editorial Committee’s Draft of Codex Civiles. Vol.2* [*Grazhdanskoe ulozhenie: Proekt Vysochayshe uchrezhdennoy Redaktsionnoy komissii po sostavleniyu Grazhdanskogo ulozheniya. T. 2*]. Saint Petersburg, 1910.

Venediktov, A.V. Contract Discipline in Industrial Relations [*Dogovornaya distsiplina v promyshlennosti*]. Leningrad, 1935.

Vilkova, N.G. “Annual Interest in International Trade Contracts” [*Protsenty godovye po denezhnym obyazatel’stvam iz dogovora vneshnetorgovoy kupli-prodazhi*], in: Legal Section Papers, The USSR Chamber of Trade and Commerce [*Materialy seksii prava TPP SSSR*]. Iss. 34. Moscow, 1983. P. 53–66.

Information about the author

Yuri E. Monastyrsky

Founding Partner at Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners, Co-founder of the Fund of Grateful Alumni of the MGIMO School of International Law, PhD in Law (121099, Russia, Moscow, Novinsky Boulevard, 3/1; e-mail: monastyrsky@mzs.ru).